

Сверхжесткость и сверхрастяжимость понятий

Итак, мы могли удостовериться, насколько сложна политическая поэтика Сталина, которую принято называть примитивной и однозначной. Волкогонов в своей — очень ценной по материалу и по некоторым наблюдениям — книге все же глубоко неправ, когда пишет: «В мышлении Сталина трудно выделить оттенки, переходы, оговорки, оригинальные идеи, парадоксы. Мысль вождя однозначна»²⁶. Напротив — именно «оттенки и переходы», амбивалентное скольжение тончайших нюансов и составляют главный секрет его мышления, запечатленного в, казалось бы, топорном и монотонном языке. Одним из уникальных свойств сталинского стиля мне видится сочетание этой обманчивой ясности, точности, тавтологической замкнутости ключевых понятий — и их внутренней двусмысленности, предательской текучести, растяжимости.

Если тавтологические конструкции маскируются под ступенчатое логическое развертывание, то, с другой стороны, как мы не раз видели, одно и то же слово таит в себе запас контрастных значений, как бы спрессованных в его мнимой четкости и однозначности. Даже слово «колхоз», столь любезное Сталину, на поверку предстает нейтральным сгустком бинарных оппозиций, при их расподблении вступающих между собой в непримиримый конфликт: «Колхозы могут быть л и б о большевистскими, л и б о антисоветскими».

Как пример криминальной двусмысленности, стоит привести и слово «товарищ». В своей, уже упоминавшейся тут, речи на выпуске Академии Красной Армии (1935) Сталин, подводя итоги партийно-государственным достижениям (коллективизации и индустриализации, сопряженной с «жертвами» и «жесточайшей экономией»), сказал:

«Но не у всех наших товарищей хватило нервов, терпения и выдержки <...> Эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального Комитета. Более того: *они угрожали кое-кому из нас пулями*. Видимо, они рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути. Эти люди, очевидно, забыли, что *мы, большевики*, — люди особого покроя. Они забыли, что *большевиков не запугаешь* ни трудностями, ни угрозами <...> Понятно, что мы не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительней пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом на пути помять бока кое-кому из этих товарищей. Но с этим уже ничего не поделаешь. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу. (Бурные аплодисменты, возгласы «ура»)».

Спрашивается, являются ли для большевиков «товарищами» враги ленинизма, люди, угрожающие им пулями? Эластичное слово «товарищ» таит в себе обвинения, чреватые грядущим истреблением тех, к кому оно прилагается. Перед тем, как расстрелять Зиновьева и Каменева, он, обращаясь к обоим арестантам, доставленным в Кремль, тоже назвал их «товарищами»²⁷. Сталинское слово отличается тем самым двурушничеством, которым он так любил попрекать своих противников.

Порой двусмысленности подаются в ироническом освящении, как, например, в «Ответе товарищам колхозникам» (1930):

«Я получил за последнее время ряд писем от товарищей колхозников с требо-

ванием ответить на поставленные там вопросы. Моя обязанность была ответить на письма в порядке частной переписки. Но это оказалось невозможным, так как больше половины писем было получено без указания адреса их авторов (забыли прислать адреса). Между тем, вопросы, затронутые в письмах, представляют громадный политический интерес для всех наших товарищей. Кроме того, понятно, что я не мог оставить без ответа *и тех товарищей, которые забыли прислать свои адреса*.

Многочисленные *товарищи*²⁸, подверженные внезапной рассеянности, представляют собой весьма характерный образчик сталинской иронии.

Почти каждое слово прячет в себе собственный негатив. В принципе, тут беспорна прямая зависимость от Ленина, который, по определению Ю. Тынянова, занимается «анализом лексического единства слов; полемизируя, разоблачая лозунг, он дает его словарный анализ и указывает затуманивающее действие фразы и лексического плана: “Спрашивается: — Равенство какого пола с каким полом?”» — (Увы, надо признать, что ввиду необычайного обилия полов, предполагаемого ленинским вопросом, поучительная сила цитаты несколько поколеблена.) И далее: «Лексическое единство взрывается. Слово как название лексического единства перестает существовать. Исчезает эмоциональный «ореол» «слова вообще», и выдвигаются отдельные конкретные ветви лексического единства»²⁹. Вся разница, однако, в том, что Сталин не «взрывает», а резко раздвигает лексическое единство; он заботится вовсе не о разоблачительной конкретизации различных «ветвей», а о строго симметрическом противопоставлении двух смыслов:

«Нам нужна самокритика — не та критика, злобная и по сути дела контрреволюционная, которую проводила оппозиция, — а критика честная, открытая большевистская самокритика». (Как будто злобная критика не может быть честной и открытой. — *М. В.*)

«Само собой понятно, что речь здесь идет не о «всякой» критике. Критика контрреволюционеров является тоже критикой. <...> Критика нужна нам для укрепления Советской власти, а не для ее ослабления».

«Два слова о характере наших трудностей. Следует иметь в виду, что наши трудности никак нельзя назвать трудностями застоя или упадка <...> Наши трудности не имеют ничего общего с этими трудностями <...> Они есть трудности *подъема*, трудности роста».

И вообще:

«Нам нужна не всякая индустриализация».

«Нам нужен не всякий рост производительности народного труда».

«Нам нужен не всякий союз с крестьянством».

«Нам нужна не всякая связь между городом и деревней».

«Нам нужна не всякая дискуссия и не всякая демократия».

«Не всякого старика надо уважать, и не всякий опыт нам важен».

Более того, сами эти диалектические контрасты тоже подвержены взаимному противопоставлению или разделению:

«Нельзя сваливать в одну кучу два ряда неодинаковых противоречий». (И наоборот — при случае он может объединить их, заявив: «Наши разногласия — не принципиальные разногласия».)

Расподоблению внутренних контрастов отвечает их обратное соединение в диалектических оксюморонах:

«Капитализм, развивавшийся в порядке загнивания».

«Прогрессивное загнивание капитализма».

«Запад с его империалистическими людоедами превратился в *очаг тьмы* и рабства».

Другие его словоупотребления носят заведомо расплывчатый, «безразмерный» характер, облегчающий свободу маневра. Достаточно присмотреться, например, к пресловутому термину «кулак». Без конца бичуя кулаков, противопоставляя их

среднякам и беднякам, Сталин ни разу не озаботился опубликовать свое сколь-нибудь ясное и отчетливое определение для этих, по существу, крайне зыбких обозначений³⁰.

Но при необходимости Сталину ничего не стоит вообще упразднить всякие классы, ибо его «окозненный догматизм», о котором охотно рассуждали хрущевцы, всегда дополнялся феноменальной идеологической гибкостью и готовностью мгновенно отречься от любой данной догмы. Думаю, что известное полумористическое высказывание Гитлера — после разгрома СССР поручить Сталину управление захваченными территориями (поскольку «тот знает, как обращаться с русскими») — в принципе вполне могло реализоваться: светоч марксизма с ходу подыскал бы для своей новой должности потребное идеологическое обоснование. В отличие от Гитлера и Ленина, он не был идеалистом.

В марте 1936, когда обсуждался проект конституции, Сталин так разъяснял своему американскому интервьюеру Рою Говарду тот факт, что в Советском Союзе существует только одна политическая партия:

«Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян и интеллигенции. Каждая из этих *прослоек* может иметь свои специальные интересы и отражать их через имеющиеся многочисленные общественные организации. Но коль скоро *нет классов*, коль скоро *границы между классами стираются*, коль скоро остается лишь некоторая, но не коренная разница между различными *прослойками* социалистического общества, не может быть питательной почвы для создания борющихся между собой партий. Где *нет нескольких классов*, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса».

Все помнят, что с официальной точки зрения, закрепленной Сталиным в бесчисленных тирадах и в той же самой конституции, СССР считался государством рабочего («правящего») класса и колхозного крестьянства, к которым примыкала интеллигентская «прослойка». (Раньше интеллигенция признавалась прослойкой между эксплуататорскими и угнетенными классами. Теперь, при социализме, стало неясно, что именно она прославляла.) В своем интервью, растиражированном «Правдой», Сталин походя смазал все эти жесткие сакральные категории. То он, полностью отменяя классы, заменяет их «прослойками» (между чем?), то сообщает, что границы между этими — уже, вроде бы, несуществующими — классами еще только стираются — и все для того, чтобы как-то предотвратить предвкушаемый им вопрос Говарда: почему не разрешено иметь свою партию такому классу, как крестьянство. (А как быть с несколькими партиями одного и того же «класса» на Западе, например, в США?) Можно себе представить, как отреагировал бы Сталин на подобную правооппортунистическую расплывчатость, если бы ее продемонстрировал кто-нибудь другой.

В письме к С. Покровскому (май 1927 г.) он порицает адресата за сквалыжные «придирки» к его, сталинским, фразам: «Вы просто изволите придирайтесь, не в меру «диалектический» товарищ». Мы, однако, не найдем ни малейших следов столь же снисходительного отношения к чужим «неточностям» у самого Сталина. В июне 1927 г., отвечая на новое письмо Покровского, он мстительно цепляется именно к нюансам, придавая им кардинальное значение и обвиняя того в манере «бесцеремонно переворачивать вещи вверх ногами»:

«Но признавая шепотком эту свою неправоту, Вы тут же стараетесь громогласно свести ее к пустячкам насчет «словесных» неточностей <...> Выходит, что спор шел у нас о «словесности», а не о двух *принципиально* различных концепциях! Это называется у нас, говоря мягко, — *нахальством* <...> Я думаю, что пришло время прекратить переписку с Вами».

Но он умеет и полностью игнорировать слово в тех обстоятельствах, когда к речениям оппонента придраться нельзя. Тогда Сталин, на ленинский манер, предпочитает обвинять противников — до революции меньшевиков, после революции оппозицию — в «расхождении слова с делом».